

Даже дети не имеют права быть теми, кто бросает камни. Напротив, под предлогом невинности они, пожалуй, самые злые существа. Кот, поднятый на высоту и с силой брошенный на бетонный пол; саранча, которую одной рукой держат, а в брюшко через выброшенный шприц вливают воду. А, потому что стрекоза — вредитель, и уничтожить её — значит сражаться за справедливость. Дурак, стрекоза — полезное насекомое, я проверял! А? О, вот как.

Однако, будь то вредитель или полезное насекомое, всё делится исходя из человеческих интересов, а они должны безропотно принимать правила, установленные теми, кто пытается стать судьёй.

Даже своих сородичей унижают. Те, кто разжигает травлю в школе, просто не достойны вырасти в этом мире, но зачастую именно такие паразиты нарушают покой.

Итак, люди по своей природе отвратительны. У каждого есть грязное, постыдное прошлое, о котором не говорят. И даже сейчас, и в будущем, они не раскаиваются. Никто не достоин занимать моральную высоту. Так что Шан Нань, находящийся на вершине этого уже сложившегося и неизменного порядка, даже если иногда совершает пару выходов за рамки, — ничего страшного. Всё-таки статус обязывает, и никто, забравшись так высоко, не может гарантировать, что его руки чисты, верно?

Вовсе нет! Люди с подобными мыслями, вероятно, слишком долго стояли на коленях и забыли, как стоять на ногах. Привыкнув к виду снизу, они покорно плывут по течению, больше не желая двигаться. Да, каждый из нас нечист, но это не повод бесконечно падать и насмехаться над добротой. Напротив, зная об этой греховной природе, нужно искать изменения. Мы не супергерои, не можем мгновенно увидеть результат, но это не повод лежать, как солёная рыба, и не шевелиться.

Конечно, для обычных людей просто жить в этом мире уже тяжело. Чтобы защитить семью, чтобы жить чуть лучше, каждый день — борьба. Поэтому у них нет ни настроения, ни мысли о том, чтобы бросить вызов приукрашенной эксплуатации. Но... но... но... Трудно подобрать вдохновляющие слова. Сейчас не военное время, нет острого ножа, висящего над головой. У каждого свой порог терпимости, и постоянные угрозы только вызовут раздражение. Так уж устроено: когда это коснётся его личного предела, тот, кто хочет измениться, естественно, объединится с другими и будет бороться. Пусть лишь те, кто ещё не почувствовал боли, уберут свои насмешливые улыбки.

А Лин Ань теперь ясно видит острый нож, висящий над головой. Сейчас уже нет смысла спрашивать, почему всё так несправедливо. Более практично — подумать, как сделать первый шаг к сопротивлению.

Грязь уже была убрана умной очистительной системой, стерильная комната вернулась к своему безупречному состоянию. Лин Ань смотрел, впивался взглядом. Он хотел врезать эту картину в свою память. Если цель — заставить меня покориться, то я точно не позволю тебе добиться своего.

Спина была выпрямлена. В тишине слышался только звук капель крови, падающих на пол. Кулак, сжатый в безумных поисках кнопки открытия, был ранен, но боли он не чувствовал.

Тревога прошла, усталость отступила. Глядя на пустую и холодную стерильную комнату, в его зрачках вспыхнул боевой дух. Раз уж он оказался на самом дне, раз уж даже его собственное тело, единственное, что он мог контролировать, было захвачено и скоро перестанет ему принадлежать, то бояться уже действительно нечего. Тот, кто не боится смерти, — это

бешеный пёс, которого пугается даже сражающийся с ним злой дух.

Тяжёлая сенсорная дверь за его спиной бесшумно открылась. Яркий солнечный свет хлынул внутрь, озарив одинокую фигуру. На полу лежала размытая линия света и тени.

Прошло несколько часов с момента окончания представления, и реакция зрителей казалась интереснее, чем тщательно подготовленное действие. Глядя на изображение, проецируемое на экран, Шан Нань выражал явное безразличие. Он потягивал самый крепкий галлюциногенный ликёр, но разум оставался ясен, и он не чувствовал никакого дискомфорта в теле. Вертя в руках изысканный бокал, он думал, что самый смертельный яд, который, как говорят, способен разрушить нервную систему и которого нельзя касаться, если только ты не одержим смертью, оказался не так уж и страшен.

Но он и не подозревал, что луна — в воде, вода — в колодце, колодец — на картине, картина — в глазах смотрящего. Воображая себя посторонним наблюдателем, он сам оказался персонажем этой картины.

Лин Ань, наблюдавший за искажённой в смерти смертью персонала; Шан Нань, использовавший реакцию Лин Аня как развлечение; актёры, воссоздававшие подобные сцены под предлогом съёмок; режиссёр, наблюдавший и направлявший всё из-за кадра... Звено за звеном, все они были сплетены в огромную сеть без начала и конца.

Раз ситуация развилась до сегодняшнего дня, у неё должна быть своя логика. Но Вэй Сюнь, находящийся на одном из миллионов узлов этой гигантской сети, глядя на запутанные линии вокруг, действительно не знал, по какой из них пойти, чтобы снова прикоснуться к точке поворота.

Он отчётливо понимал: случившееся изменить нельзя. Жизнь всегда движется только вперёд. Не оглядываясь, сожаления бесполезны. Но если бы тело так же послушно следовало за этим пониманием, как разум, то было бы трудно сказать наверняка, прогрессирует ли человечество или регрессирует.

Впрочем, съёмки «Города блаженства» без сомнения продвигались по намеченному пути.

Для Цзи Аня, игравшего Шан Наня, всё до сих пор шло гладко. Будь то сложные боевые сцены или эмоциональные сцены со столкновением света и тени, он всегда мог представить то, что ожидал режиссёр. Но сегодня в последнем дубле возникла проблема.

Учитывая различные факторы, съёмки велись не по хронологии сюжета. Последним кадром дня стала сцена, где Шан Нань обнимает очнувшегося после имплантации Лин Аня. После нескольких дублей режиссёр Сунь Юэ всё ещё оставался недоволен.

Проблема была в глазах. Во взгляде Цзи Аня смешались ожидание, радость, влюблённость, нежность и другие чувства. В такой сцене это должно было быть удовлетворительной игрой.

Но Сунь Юэ сказал:

— Цзи Ань, у тебя есть объект любви?

Для человека из мира шоу-бизнеса это был довольно острый вопрос, но Сунь Юэ задал его прямо, и Цзи Ань лишь на мгновение замолчал, затем слегка кивнул.

Сунь Юэ кивнул в ответ:

— Вэй Сюнь, взгляни.

Поэтому Вэй Сюнь, которого в сцене обнимали и который не мог видеть выражения лица партнёра, отошёл на несколько шагов и внимательно наблюдал за повторным исполнением Цзи Аня.

Слишком нежно. Как будто в реальной жизни Цзи Ань, подобно Шан Наню, ждал кого-то. Создавалось впечатление, что Цзи Ань стёр границы между собой и персонажем. Он не просто анализировал психологию Шан Наня в данных обстоятельствах, но и вложил в роль собственные чувства. Вживание в роль — это хорошо, но на этот раз исполнение Цзи Аня могло повлиять на понимание зрителями истории.

— Шан Нань на самом деле не мог чётко осознать свои чувства к Чжу И, поэтому, основываясь на чужом опыте, он классифицировал их как любовь. Но по крайней мере на данный момент он ещё очень далёк от этого. А ты, Цзи Ань, твои чувства к тому человеку абсолютно искренни и глубоко. Ты смешал эти два состояния.

Взгляд Цзи Аня, полный всепоглощающей любви к кому-то, нельзя было объяснить просто выдающейся актёрской игрой. Вэй Сюнь прямо высказал своё мнение. За время их общения он понял, что Цзи Ань не любит ходить вокруг да около и не считает, что такие рациональные обсуждения могут нанести ущерб его репутации. В этом Цзи Ань был похож на Сунь Юэ: они считали, что если это поможет делу продвигаться более гладко, то все эти фальшивые человеческие уловки могут отправиться к чёрту.

Выслушав Вэй Сюня, Сунь Юэ кивнул, но он хорошо понимал: настоящие чувства оказывают на человека гораздо большее влияние, чем история. Это как фиксированная эмоциональная кривая. События, пережитые лично, всегда совпадают с этой кривой на сто процентов. Но когда актёр пытается сопереживать ради съёмки, как бы он ни вживался в роль, всегда будет существовать отклонение. Поэтому он дал Цзи Аню немного времени, чтобы переключиться.

<http://bllate.org/book/16302/1470168>